

*ФЛЯГИНА Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Автор 45 научных публикаций**

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ
СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГОВОРОВ
(на примере донской народной географической лексики)**

Народная географическая терминология донских говоров отличается богатством и разнообразием лексем, тонко отражающих природные особенности Донского края. В силу своей древности и устойчивости географическая лексика наглядно демонстрирует историю воззрений народа на природу, воссоздает фрагменты языковой картины русского мира. Диалектная лексика является ценнейшим источником для изучения истории не только самого диалекта, но и литературного языка, поскольку в говорах нередко консервируются те языковые, в т. ч. лексические, факты, которые в литературном языке уже стали достоянием истории. Донская географическая терминология, в основе своей унаследованная из материнских говоров, со временем приобрела ряд черт, отличающих ее от подобных систем, представленных в других русских говорах, и определяющих ее специфику. Донские местные географические апеллятивы были подробно рассмотрены на широком восточнославянском фоне, сопоставлены с географической лексикой других русских ареалов. Но, несмотря на многостороннюю изученность отдельных групп лексики и диалектной лексики в целом, представляется возможным охарактеризовать диалектные наименования в диахроническом аспекте, сравнить данные современных говоров с материалом предшествующих столетий, тем самым определить материнскую основу донского диалекта. Рассмотрение лексики донских говоров в исторической перспективе дает диалектологу возможность найти в лексической системе множество фактов и сведений, позволяющих полнее показать процесс становления самого диалекта, точнее установить закономерности данного развития. Этим и определяется перспективность выбранного пути исследования.

Ключевые слова: *современные русские говоры, донские говоры, ландшафтная лексика, народные географические апеллятивы, диахрония.*

*Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, д. 93; e-mail: flyagina_75@mail.ru

Для цитирования: Флягина М.В. Привлечение памятников письменности для исследования лексики современных русских говоров (на примере донской народной географической лексики) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 6. С. 121–129. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.121

На сегодняшний день перспективным представляется исследование лексики современных русских говоров в диахроническом плане, что позволяет сопоставить данные современных говоров с материалом предшествующих столетий, определить базовый, исконный пласт диалекта. Такие исследования уже проводились на материале отдельных южнорусских говоров [1–3].

Сравнение современного материала с историческим дает возможность выявить те наименования, которые или уже совсем не встречаются в современных говорах, или являются словообразовательными и морфологическими вариантами современных апеллятивов. Наконец, исторические данные создают предпосылки для рассмотрения семантики диалектных лексем в динамике.

Ландшафтная лексика – один из самых древних и поэтому наиболее устойчивых лексических пластов (наряду с наименованиями флоры и фауны) – может свидетельствовать о генезисе самих носителей языка. Народная географическая терминология, в свою очередь, – один из обширных и интересных пластов лексической системы языка, заключающих в себе не только информацию о географических условиях проживания отдельно взятого этнического коллектива, но и о его связях (прежде всего языковых) с другими членами социума.

Проблема изучения народной географической терминологии отдельных говоров не нова. Систематическое изучение географической лексики, начавшееся около века назад, проводится в нескольких направлениях: выявление особенностей лексем, обозначающих различные географические реалии (возвышенный и низменный рельеф, водные объекты), как при непосредственной (экспедиционной) работе, так и в процессе извлечения из словарей; определение их локализации с последующим построением изоглосс; наблюдение над семантическими процессами, происходящими в этой группе лексики; пересмотр некоторых этимологий и установление новых и др.

Трудом лингвистов собрана и систематизирована географическая терминология обширных ареалов: белорусская [4], украинская [5],

псковская [6], чернигово-сумская [7], воронежская [2], архангельская [8]. Отдельные группы географических апеллятивов раскрыты в диссертациях: В.М. Мокиенко исследовал болотоведческую терминологию псковских говоров [6]; Н.В. Бурко детально проанализировала орфографическую лексику орловских говоров [9]. В монографии Л.Г. Невской глобально сопоставлена балтийская географическая терминология со славянской [10]. В работе В.Л. Васильева географические апеллятивы рассматриваются на восточнославянском фоне [11].

Помимо диссертаций и монографий сегодня существует большое количество статей, посвященных анализу конкретных лексико-семантических групп и отдельно взятых терминов, обозначающих различные ландшафтные объекты. Большинство исследователей диалектной лексики исходит из убеждения, что местные географические термины являются неисчерпаемым источником для пополнения знаний об особенностях мировосприятия диалектоносителей, что народная географическая терминология содержит в себе глубинные познания человека о ландшафтных особенностях окружающего его мира и зачастую более точно, детализированно, информирует о географическом объекте.

На это же указывал Н.И. Толстой, чей труд «Славянская географическая терминология» по праву можно назвать обобщающим, вобравшим в себя обширные материалы: «...диалекты во многих случаях дают нам примеры специфического, неизвестного литературным языкам семантического развития отдельных терминов <...> диалектный материал является основой всякого лингвогеографического исследования, а семантика слова (термина) нередко оказывается в прямой зависимости от его географии» [12, с. 15].

Донская народная географическая лексика в лингвогеографическом аспекте исследована в диссертации автора данной статьи [13]. Ряд работ посвящен отдельным вопросам донской топонимики: Б.Н. Проценко рассматривает донские топонимы в лингвогенетическом плане и связывает их происхождение с иранским, греческим или фракийским влиянием [14, 15];

З.В. Суганова изучает донские топонимы в связи с особенностями их морфологического строения и происхождения [16]; В.В. Громова указывает на наличие восточных элементов в топонимии Дона [17]. Подобные изыскания проводятся сегодня на материале и других русских говоров [18, 19].

В настоящей статье впервые предпринимается попытка исследовать донские народные географические термины в историческом развитии – при сопоставлении данных современных говоров и исторического материала. Теоретическая значимость работы состоит в том, что историко-сопоставительный метод используется для изучения лексики говоров вторичного образования, при этом решаются вопросы о специфике процессов формирования и развития донского диалекта. Практическая ценность определяется введением в научный оборот новых лексем, ранее не зафиксированных в словарях, а также новых значений уже представленных в лексикографических источниках слов.

Донская народная географическая терминология, в основе своей унаследованная из материнских говоров, со временем приобрела ряд черт, отличающих ее от подобных систем, представленных в других русских говорах, и определяющих ее специфику. Опосредованность значений донских местных географических терминов условиями географической среды выразилась, во-первых, в процессах деэтимологизации и демотивации терминов, вследствие чего известные наименования закрепились за топообъектами, сходными по каким-либо признакам с исконно обозначаемыми, но не идентичными им; во-вторых, в изменении семантической амплитуды географических лексем, в результате чего последние либо развили на основе первичных новые значения, либо утратили ряд сем, сохранив актуальные, характеризующие местную топоструктуру.

В современных донских говорах отмечено наименование *перелаз* ‘место в плетне, где

можно перелезть’. В словаре А.В. Миртова это слово приведено также в значении ‘брод’ с пометами «Старое слово. Обычно в “Донских делах” для XVII в.»¹. В Словаре русского языка XI–XVII веков (СлРЯ) дано следующее определение: «Переправа вброд через реку; место, пригодное или приспособленное для такой переправы. *А городити, господине, архимандриту верхняя глушица поперег истока к Боголюбским берегом повыше перелаза. А. фео. землевл. I. 183. 1499 г.*»².

В настоящее время это значение лексемы утрачено в донских говорах, однако сохраняется в некоторых говорах Воронежской области. Среди общих топографических терминов, встречающихся в северо-восточной Белоруссии и на Смоленщине, Псковщине, Брянщине, Новгородщине, И.Я. Яшкин приводит *перелаз* ‘звериная тропа’ [20]. В том, что значения ‘звериная тропа’ и ‘брод’ являются взаимосвязанными, нет никакого сомнения. Указанные факты могут свидетельствовать о более широком в прошлом ареале географической лексемы, в границы которого входили и донские говоры.

Географическая лексема *ерик* – одна из самых многозначных, активно употребляющихся и повсеместно распространенных на Дону. Сами диалектоносители определяют ее как собственно донское, исконно казачье слово. В словаре В.И. Даля (с пометой ‘юго-восточное’) дано следующее единое сложное определение апеллятива, учитывающее сходство гидрографических референтов: ‘старица, речище, узек, глушица, часть покинутого русла реки, куда по весне заливается вода и остается в долгих яминах; глухой, непроточный рукав реки, образовавшийся из старицы; узкий, глубокий пролив из реки в озеро, между озерами и ильменями»³.

Отсутствие фиксации наименования в словаре И.И. Срезневского и темпоральная привязка (Воронеж. акт 1640 г.) в СлРЯ свидетельствуют о достаточно позднем появлении слова

¹Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. С. 226.

²Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 14. С. 254.

³Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. СПб.; М., 1912–1914. Т. 1. С. 1299.

в русском языке. В СлРЯ наименование определено как ‘небольшой речной или озерный рукав’: «А къ монастырю... на верхнюю взголовъ Подгорнего озера къ степи на два дуба, а на нихъ грань ...а отъ техъ граней внизъ... земля и луги и дикое поле по Форосанской рубежь по суходолной ерекъ»⁴.

Традиционно **ерик** считается тюркским заимствованием: ср. чагат. *jarıq* ‘трещина, щель’; алт., леб., крым.-тат., тур. *jaruk* – ‘трещина, щель’⁵. Если это предположение взять за основу, то исходным значением географического апеллятива, безусловно, будет ‘углубление’, а значение ‘водный поток’ является результатом семантического изменения по смежности. Указанный семантический переход реализовался в полной мере в донских говорах. Поэтому нам представляется, что первоначально слово могло появиться на донской территории (активность контактов донцов с тюркоязычными народами создавала широкие возможности для подобных лексических заимствований). В дальнейшем лексема распространилась к северо-востоку от Дона преимущественно в гидрографических значениях. К западу от донских говоров **ерик** встречается на украинской территории: ср. укр. *ерик* ‘небольшой и узкий проток реки или озера’, ‘небольшой канал (шириной от 4 до 6 метров) между небольшими лиманами, болотами, плавнями’⁶.

Лексема **венец** в литературном языке помимо прочих выступает в значении ‘последняя, высшая ступень, завершение чего-либо; верх, вершина’, данном в СлРЯ с пометой ‘переносное’⁷. В географическом значении данная лексема зафиксирована у Даля с пометой ‘восточное’: ‘горный хребет кругом, полукругом; степной кряж, увал; уступ плоской возвышенности, окружающей низменности, раздолы

рек, поречье, урему’⁸. В донских говорах лексема **венец** имеет сегодня единичные фиксации, причем сами информанты указывают на редкое ее употребление и определяют ее как старую. В указанных говорах лексема используется в форме множественного числа и в значении ‘гора’, а в русских говорах, по данным Словаря русских народных говоров, **венец** выступает в следующих географических значениях: ‘самое высокое место по берегу реки’ (нжгрд., влад.), ‘уступ плоской возвышенности, окружающей низменности, долины рек’ (симб.), ‘бугор’ (нжгрд.), ‘край высокой степи правого берега Волги’, ‘хребты гор’ (терск.)⁹.

Лексикографические факты показывают, что форма **венец (венцы)** объединяет прежде всего поволжские говоры. В донских говорах лексема встречается редко, поэтому мы предполагаем, что она могла проникнуть в некоторые из них с последующей иррадиацией в терские говоры. Однако об активности ее употребления в некоторых донских говорах в прошлом свидетельствуют данные топонимики и старой донской историко-краеведческой литературы. У В. Богачева мы находим следующее описание: «Его (обрыва) высшие точки достигают 112 саженей над уровнем моря, закраина (венец) берегового обрыва обыкновенно приурочен высоте 85 сажен... Если же мы направимся по оси этой складки на юго-запад, то увидим высокие горы – Венцы, в которых белый писчий мел залегают много выше, чем в берегах Дона» [21, с. 31–33].

Из контекста понятно, что в описываемой местности **венцом** в первом случае называли ‘последний бугор в цепи’, во втором случае **Венцы** являются топонимом, на наш взгляд, несомненно, производным от апеллятива **венец**. Сходство семантической динамики поволжского **венец**

⁴Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. С. 58.

⁵Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986–1987. Т. 2. С. 24.

⁶Грінченко Б.Д. Словник української мови. Київ, 1907–1909. Т. 3. С. 468.

⁷Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.Г. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1. С. 148.

⁸Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 926.

⁹Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–2016. Вып. 4. С. 112.

(‘хребет’ → ‘высокий берег’ – ‘бугор’) и донского *венец (венцы)* (‘крайний уступ’ → ‘гора’) свидетельствует о единстве исходной семемы ‘высшая точка земной поверхности’, которая, развившись в поволжских говорах, могла быть воспринята донскими.

Географический термин *полугора* ‘небольшая возвышенность, холм’, согласно словарям донских говоров, имеет единичную фиксацию – на Среднем Дону: «*А мы на палугаре жили (Цимл.)*»¹⁰; на остальной территории слово, по нашим наблюдениям, не употребляется. Однако данная лексема не является случайным или окказиональным образованием: ныне утраченная, она активно функционировала в воронежских говорах в прошлом, о чем свидетельствуют местные памятники письменности (термин зафиксирован в рукописи 1774 года) [22, с. 47]. В других русских говорах термин *полугора* неизвестен. Это позволяет предположить, что термин, возникнув на окраинной южнорусской территории (в воронежских говорах), распространился к югу (в донские), где в отличие от первоисточника сохранился и используется наряду с формой *полугорок*.

Исследование донской географической лексики в диахроническом аспекте показало, что большая ее часть не изменила своей семантики с начального периода существования донского диалекта, однако некоторые апеллятивы семантику изменили (чаще – расширили). В словаре Даля *шиши* определяется как ‘островерхая куча, ворох, насыпь, постройка’ и ‘островерхий шалаш, балаган или вежка, из составленных сахарной головой и покрытых соломой жердей»¹¹. По данным Государственного архива Ростовской области, *шишом* у верхнедонских казаков называлась землянка особого типа: «При базах [стали] устраивать для жилья кухни, землянки и шиши (вроде землянок, вероятно, особого устройства)»¹². В современных донских говорах

лексема *шиши* помимо прочих употребляется в географическом значении ‘небольшая возвышенность, бугор’: «*А за станицей бугор был, шышам завуть на-другому (Баг.)*»¹³.

Учитывая особенности этимологии лексемы *шиши*, толкуемой как тюркское заимствование (ср. турец. *şiş* – ‘вертел’, ‘вязальная спица’, ‘шпага’), можно предположить, что первичным значением было ‘торчащая верхушка’. На основе этой семы возникло значение ‘островерхий шалаш, постройка’. Семантика донской лексемы претерпела трансформацию: для носителей донских говоров такой признак, как островерхость, уже не являлся релевантным – в значении ‘землянка’ был актуализирован другой признак: ‘подобие шалаша, временное жилище’.

Географическое значение лексемы *шиши* возникло вследствие семантического сдвига (‘постройка’ → ‘ландшафтный объект’), произошедшего на основе тождества сем *невысокий* у значения ‘шалаш, землянка’ и *небольшой* у значения ‘холм’ при общности качественного признака объектов (‘округлость’). Поскольку географический термин *шиши* имеет в донских говорах всего две разрозненные фиксации, очертить ареал его распространения не представляется возможным. Мы склонны рассматривать данный географический термин как донской локализм, представляющий собой видовое наименование к общерусским и общедонским понятиям.

Сравнение современного материала с соотносимым в ареальном аспекте историческим позволило выявить некоторые географические апеллятивы, хотя и бытующие сегодня в современных донских говорах, но известные с другим (негеографическим) значением.

Курганы на Дону ассоциируются с древними погребениями очень редко, в основном в говорах тех районов, на территории которых ведутся археологические раскопки. В лексикографических и историко-краеведческих источниках

¹⁰Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 397.

¹¹Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 1444.

¹²Большой толковый словарь донского казачества. С. 593.

¹³Там же.

XIX и начала XX века зафиксировано наименование *могила (могилка)* со значениями 'курган', 'остроконечный холм'.

Слово *могила* отмечается памятниками письменности древнерусского языка начиная с X века¹⁴. Первоначальным значением лексемы считают 'холм'. Таким образом, есть основание полагать, что в донских говорах лексема в географическом значении исконна, унаследована из материнских диалектов, в отличие от которых на Дону она не только сохранялась долгое время, вплоть до конца XIX века (в настоящее время зафиксирована лишь в отдельных говорах Суровицкого района), но и употреблялась в первичном значении. На сегодняшний день лексема *могила* 'курган' отмечена в некоторых русских кубанских говорах, куда она, вероятнее всего, перешла из украинских

диалектов (ср. укр. *могила* 'искусственное земляное возвышение, курган', 'возвышенность (в общем значении)', 'куча')¹⁵.

Итак, приведенные примеры свидетельствуют о том, что памятники письменности являются незаменимым источником, обладающим не только лингвоинформационной, но и историко-культурологической ценностью. В памятниках письменности нередко содержится материал, позволяющий изучать диалектную лексику, в семантике которой отражается специфика природных условий края. Кроме того, сопоставление исторических данных с современным материалом дает возможность раскрыть семантическую эволюцию отдельных народных географических наименований, что доказывает перспективность исследования лексики современных русских говоров в диахроническом аспекте.

Список литературы

1. *Борисова Е.Н.* Деловая письменность XVI–XVIII вв. как источник для изучения говоров Смоленщины // Вопросы теории и методики изучения русского языка / отв. ред. В.И. Чернов: сб. ст. Смоленск, 1970. Вып. 22. С. 138–158.
2. *Дьякова В.И.* Географическая терминология Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1973.
3. *Мжельская О.С.* Территориально ограниченная лексика в древнерусских памятниках (диалектизмы и регионализмы) // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987. С. 107–121.
4. *Яшкін І.* Беларuskія геаграфічныя назвы. Гідралогія. Тапаграфія. Мінск, 1971.
5. *Марусенко Т.А.* Названия рельефов в говорах Хмельницкой области УССР. М., 1972.
6. *Мокиенко В.М.* Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские апеллятивы, обозначающие низинный рельеф, на славянском фоне): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.
7. *Черепанова Е.А.* Местная географическая терминология Центра и Восточнoукраинского (Черниговско-Сумского) Полесья // Топонимия Центральной России. М., 1974. С. 178–184.
8. *Чернейко Л.О.* Опыт парадигматического анализа лексики (на материале географических терминов архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
9. *Бурко Н.В.* Орографическая лексика в орловских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1998.
10. *Невская Л.Г.* Балтийская географическая терминология. М., 1977.
11. *Васильев В.Л.* Новгородская географическая терминология. Великий Новгород, 2001.
12. *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология (семасиологические этюды). М., 1969.
13. *Флягина М.В.* Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2004.
14. *Проценко Б.Н.* Паниардис, Патарва и река Марубий (попытка историко-лингвистического анализа сведений Птолемея о некоторых древних топонимах в низовьях Дона) // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1992. С. 31–37.

¹⁴*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 2. С. 161.

¹⁵*Марусенко Т.А.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье. М., 1968. С. 236.

15. Проценко Б.Н. Гидронимы Дона в лингвогенетическом плане // Северо-Кавказские чтения: (Материалы школы-семинара «Лиманчик-92»): сб. тез. Вып. 4. Ономастика в контексте истории. Ростов н/Д., 1992. С. 12–16.
16. Суганова З.В. Из наблюдений над топонимикой Дона // Изучение географических названий. М., 1966. С. 26–31.
17. Громова В.В. Восточные элементы в топонимии Дона // Северо-Кавказские чтения: (Материалы школы-семинара «Лиманчик-92»): сб. тез. Вып. 4. Ономастика в контексте истории. Ростов н/Д., 1992. С. 16–19.
18. Мызников С.А. Новый севернорусский диалектный материал в этимологическом прочтении // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исслед. / отв. ред. С.А. Мызников. СПб., 2016. С. 376–383.
19. Мызников С.А. Об этимологии некоторых лексических данных в русских говорах Оренбургского края // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе: материалы Междунар. науч. конф., г. Оренбург, 14 октября 2016 года: в 2 ч. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. Оренбург, 2016. С. 5–10.
20. Яшкин И.Я. Топографическая и гидрологическая лексика Белоруссии и западной части РСФСР // Топонимия Центральной России. М., 1974. С. 172–176.
21. Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1918.
22. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Изучение географической лексики Воронежского края // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1985. С. 42–51.

References

1. Borisova E.N. Delovaya pis'mennost' XVI–XVIII vv. kak istochnik dlya izucheniya govorov Smolenshchiny [Business Texts of the 16th – 18th Centuries as a Source for Studying the Smolensk Region Dialects]. Chernov V.I. (ed.). *Voprosy teorii i metodiki izucheniya russkogo yazyka* [Problems of Theory and Methodology of Studying the Russian Language]. Smolensk, 1970. Iss. 22, pp. 138–158.
2. D'yakova V.I. *Geograficheskaya terminologiya Voronezhskoy oblasti* [Geographical Terminology of the Voronezh Region]. Voronezh, 1973.
3. Mzhel'skaya O.S. Territorial'no ogranichennaya leksika v drevnerusskikh pamyatnikakh (dialektizmy i regionalizmy) [Geographically Limited Vocabulary in Old Russian Texts (Dialecticisms and Regionalisms)]. *Russkaya regional'naya leksika XI–XVII vv.* [Russian Regional Vocabulary of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, 1987, pp. 107–121.
4. Yashkin I. *Belaruskaya geografichnyye nazvy. Gidralogiya. Tapagrafiya* [Belarussian Geographical Names. Hydrology. Topography]. Minsk, 1971.
5. Marusenko T.A. *Nazvaniya rel'efov v govorakh Khmel'nitskoy oblasti USSR* [Relief Names in the Dialects of the Khmel'nitsky Region of the Ukrainian SSR]. Moscow, 1972.
6. Mokienko V.M. *Lingvisticheskiy analiz mestnoy geograficheskoy terminologii (pskovskie apellyativy, oboznachayushchie niziny rel'ef, na slavyanskom fone)* [Linguistic Analysis of Local Geographical Terminology (Pskov Appellatives Denoting Lower Relief, Against the Slavic Background)]. Leningrad, 1969.
7. Cherepanova E.A. *Mestnaya geograficheskaya terminologiya Tsentra i Vostochnoukrainskogo (Chernigovsko-Sumskogo) Poles'ya* [Local Geographical Terminology of the Centre and East-Ukrainian (Chernigov-Sumy) Polesia]. *Toponimiya Tsentral'noy Rossii* [Toponymy of Central Russia]. Moscow, 1974, pp. 178–184.
8. Cherneyko L.O. *Opyt paradigmaticeskogo analiza leksiki (na materiale geograficheskikh terminov arkhangel'skikh govorov)* [Experience of the Paradigmatic Analysis of Vocabulary (Based on Geographical Terms of Arkhangelsk Dialects)]. Leningrad, 1980.
9. Burko N.V. *Orograficheskaya leksika v orlovskikh govorakh* [Orographic Vocabulary in Orel Dialects]. Orel, 1998.
10. Nevskaya L.G. *Baltiyskaya geograficheskaya terminologiya* [Baltic Geographical Terminology]. Moscow, 1977.
11. Vasil'ev V.L. *Novgorodskaya geograficheskaya terminologiya* [Novgorod Geographical Terminology]. Veliky Novgorod, 2001.

12. Tolstoy N.I. *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya (semasiologicheskie etyudy)* [Slavic Geographical Terminology (Semasiological Studies)]. Moscow, 1969.
13. Flyagina M.V. *Lingvogeograficheskoe issledovanie landshaftnoy leksiki donskikh govorov* [Linguogeographical Study of Landscape Vocabulary of the Don River Area Dialects]. Rostov-on-Don, 2004.
14. Protsenko B.N. Paniardis, Patarva i reka Marubiy (popytka istoriko-lingvisticheskogo analiza svedeniy Ptolemeya o nekotorykh drevnikh toponimakh v nizov'yakh Dona) [Paniardis, Patarve and the Marubius River (an Attempt of Historical and Linguistic Analysis of Ptolemy's Information About Some Ancient Toponyms in the Lower Reaches of the Don River)]. *Istoricheskaya geografiya Dona i Severnogo Kavkaza* [Historical Geography of the Don River Area and North Caucasus]. Rostov-on-Don, 1992, pp. 31–37.
15. Protsenko B.N. Gidronimy Dona v lingvogeneticheskom plane [Don River Area Hydronyms in the Linguogenetic Aspect]. *Severo-Kavkazskie chteniya. Vyp. 4. Onomastika v kontekste istorii* [North-Caucasian Readings. Iss. 4. Onomastics in Historical Context]. Rostov-on-Don, 1992, pp. 12–16.
16. Suganova Z.V. Iz nablyudeniya nad toponimikoy Dona [Observations on the Don River Area Toponymy]. *Izucheniye geograficheskikh nazvaniy* [Study of Geographical Names]. Moscow, 1966, pp. 26–31.
17. Gromova V.V. Vostochnye elementy v toponimii Dona [Eastern Elements in the Don River Area Toponymy]. *Severo-Kavkazskie chteniya. Vyp. 4. Onomastika v kontekste istorii* [North-Caucasian Readings. Iss. 4. Onomastics in Historical Context]. Rostov-on-Don, 1992, pp. 16–19.
18. Myznikov S.A. Novyy severnorusskiy dialektnyy material v etimologicheskom prochtenii [New North Russian Dialect Material in Etymological Interpretation]. Myznikov S.A. (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects]. St. Petersburg, 2016, pp. 376–383.
19. Myznikov S.A. Ob etimologii nekotorykh leksicheskikh dannykh v russkikh govorakh Orenburgskogo kraya [On the Etymology of Some Lexical Data in the Russian Dialects of the Orenburg Region]. *Yazykovaya norma i rechevaya praktika v Orenburgskom regione* [Language Norm and Speech Practice in the Orenburg Region]. Orenburg, 2016, pp. 5–10.
20. Yashkin I.Ya. Topograficheskaya i gidrologicheskaya leksika Belorussii i zapadnoy chasti RSFSR [Topographical and Hydrological Vocabulary of Belorussia and Western Part of the RSFSR]. *Toponimiya Tsentral'noy Rossii* [Toponymy of Central Russia]. Moscow, 1974, pp. 172–176.
21. Bogachev V. *Ocherki geografii Vsevelikogo Voyska Donskogo* [Essays on the Geography of the Almighty Don Host]. Novocherkassk, 1918.
22. D'yakova V.I., Khitrova V.I. Izucheniye geograficheskoy leksiki Voronezhskogo kraya [The Study of Geographical Vocabulary of the Voronezh Region]. *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniyu* [Materials on Russian-Slavonic Linguistics]. Voronezh, 1985, pp. 42–51.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.121

Marina V. Flyagina

Southern Federal University;
per. Universitetskiy 93, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation;
e-mail: flyagina_75@mail.ru

THE USE OF OLD TEXTS FOR THE STUDY OF THE VOCABULARY OF MODERN RUSSIAN DIALECTS (Exemplified by the Folk Geographical Vocabulary of the Don River Area)

Folk geographical terminology of the Don River area dialects is rich in various lexemes reflecting the nature of that region. Being one of the most ancient and, consequently, most stable lexical layers,

For citation: Flyagina M.V. The Use of Old Texts for the Study of the Vocabulary of Modern Russian Dialects (Exemplified by the Folk Geographical Vocabulary of the Don River Area). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 6, pp. 121–129. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.121

geographical words clearly demonstrate the history of people's attitude towards nature and recreates fragments of the linguistic view of the Russian world. Dialect vocabulary is the most valuable source for studying the history of not only the dialect itself, but also of the literary language, since dialects often preserve those linguistic, including lexical, facts that in the literary language are already consigned to history. The geographical terminology of the Don River area, primarily stemming from the mother dialects, eventually acquired a number of features distinguishing it from similar systems of other Russian dialects and determining its specificity. Local geographical appellatives of the Don River area were examined here in detail against a broad East Slavic background and compared with geographical words of other Russian regions. Although certain groups of vocabulary and dialect words in general have been thoroughly studied before, it can be of interest to characterize dialect names in the diachronic aspect and compare the data of modern dialects with the materials of the past centuries, thereby determining the maternal basis of the Don River area dialects. Studying the vocabulary of the Don River area dialects in the historical perspective allows dialectologists to find in the lexical system plenty of facts and information providing deeper insight into the process of the dialect's evolution or, more precisely, helping to reveal the patterns of its development. This is what determines the prospects for the chosen area of research.

Keywords: *modern Russian dialects, Don River area dialects, landscape vocabulary, folk geographical appellatives, diachrony.*

Поступила: 16.06.2016
Received: 16 June 2016